

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Судить о раннем этапе развития профессионального музыкального искусства Древней Руси XI—XIV веков позволяют данные источниковедения. Поиск певческих книг в архивах и их музыкально-палеографическое изучение, безусловно, чрезвычайно увлекательны, но порождают множество непривычных для музыковеда вопросов. Прежде всего исследователь сталкивается с особым соотношением устной и письменной передачи традиции. Среди певческих (по содержанию) книг есть ряд рукописей без нотации, содержащих певческий репертуар и явно бывших в употреблении. Кроме того, есть и памятники музыкальной письменности, в которых использована нотация разных видов (кондакарная и знаменная). Причем степень подробности записи в них может быть различной: в архивохранилищах обнаруживаются как полностью нотированные, так и частично нотированные источники. В последние включены либо разного объема фрагменты с нотацией, либо отдельные знаки, указывающие на характерные особенности напева (например, на границы строк или появление мелизматики).

Все это в совокупности свидетельствует о разнообразных возможностях передачи певческого опыта в письмен-

ной форме и заставляет нас задуматься о том, как и где применялись эти по существу весьма различные рукописи. Разобраться в этом непросто, поскольку прямые указания на происхождение и первоначальное использование певческих книг зачастую отсутствуют. Однако косвенные данные позволяют воссоздать ряд историко-географических координат распространения православного церковного пения на Руси. Чтобы понять логику этого процесса, попытаемся представить себе певческую книжность в контексте реального исторического становления древнерусского государства и церковной организации на всей его территории — громадной и во многих отношениях неоднородной.

Ранний этап древнерусской православной книжной культуры (в том числе певческой) невозможно воссоздать в подробностях из-за утраты множества исторических источников — в первую очередь письменных. По подсчетам ученых, в XI—XIV веках на Руси должно было существовать несколько тысяч (!) книг разного содержания (преимущественно богослужебного, в том числе певческого). Из них до наших дней дошла сравнительно малая часть — более девятистот (включая отрывки) [5, с. 9].

Святой равноапостольный
князь Владимир
(Царский титулярник, 1672 г.)

На территории домонгольской Руси центры христианства существовали и до крещения в 988 году. Известно, что уже в 945 году в Киеве была церковь Св. Ильи. Можно предположить, что там имелись богослужебные книги и звучали церковные песнопения. Вскоре возникли и первые школы: в «Повести временных лет» сразу же после известия о крещении киевлян записано, что святой равноапостольный князь Владимир «нача поимати у нарочитыа чади» (то есть у знати) сыновей «и даяти нача на учение книжное» [2, с. 698]. Так было положено начало образованию на Руси, при этом считается, что для обучения были использованы уже имевшиеся здесь церковнославянские книги.

Появление певческой книжности относится к тому же времени. Можно с уверенностью сказать, что с православным клиром прибыли и рукописи, в том числе певческие. Как явствует из состава книжного наследия Студийской эпохи, даже при значительных утратах памятников письменности, очевидно, что среди них преобладали книги богослужебные, включая гимнографические сборники, предназначенные для пения, хотя не обязательно нотированные.

Достоверно не установлено, какие источники попали на Русь первоначально — греческие или южнославянские. Однако известно, что вплоть до XIV века у южных славян не сохранилось ни одной нотированной книги. (Существуют предположения, что это отражает характерную для болгарской богослужебной практики традицию возможного исполнения песнопений по-гречески.) Так что, скорее всего, именно с греческими источниками знакомилась местная певчие, которым довелось осваивать церковное пение. С осторожностью, вызванной состоянием базы источников, исследователи говорят «о хождении на Руси как греческих, так и славянских литургических книг» [1, с. 89].

Понятно, что подлинный певческий профессионализм мог сформироваться здесь лишь на почве длительного знакомства с православным богослужением, накопления значительного круга слуховых впечатлений и, наконец, формирования собственного опыта пения за богослужением. Это было возможно

прежде всего в стольном граде Киеве и соперничающем с ним Новгороде. Важным шагом стало создание по инициативе Ярослава Мудрого в начале XI века в Киеве книгописной мастерской при Софийском соборе. Это был первый расцвет собственной церковнославянской письменности и переводов. Летопись под 1037 годом указывает: «И собра писцы многы и прекладаше от грекъ на словенское письмо. И списаша книги многы, ими же поучашея вернии люди наслаждаются ученья божественнаго». Библиотека Ярослава не случайно связана с храмом святой Софии — центром митрополии, имевшим постоянные тесные связи с греческой церковной властью: «Ярослав же се, яко реком любим бе книгам. Многы написав, положи в святей Софьи церкви, юже созда сам» [4, с. 66]. Напомним, что первыми киевскими митрополитами были греки.

Естественно, что и в области богослужебного пения эти контакты играли важнейшую роль. В частности, они сказываются в использовании греческого языка в церковно-певческой практике. Можно предположить также освоение некоторых певческих традиций Великой Софии Константинопольской.

Сохранившиеся восточнославянские рукописи, которые дошли до нас лишь от рубежа XI—XII веков, позволяют заметить опору на палеовизантийскую нотацию X—XI столетий и весьма архаичные типы греческих книг. Исследователи отмечают своеобразие трактовки заимствованного наследия, творческую активность в процессе его

перевода и адаптации. Как показывают сравнительные греко-славянские исследования, происходит замена отдельных знаков, изменение музыкального синтаксиса, зачастую — обновление формульной композиции напевов. Все это — свидетельства длительного процесса претворения гимнографии, который включал переосмысление элементов нотации, формирование собственной трактовки пения на подобие как фундаментального композиционного принципа церковного пения. Певческие книги сохранили и следы церковнославянско-греческого двуязычия. Существуют свидетельства параллельного использования греческого и славянского текста в пределах единого манускрипта, даже одного песнопения [9, с. 112—128].

Ясно также, что знакомство с греческой нотацией в раннем ее варианте — палеовизантийском — привело впоследствии к ее переосмыслению и становлению на основе заимствованных элементов самостоятельной нотационной системы. Таким же образом были освоены и другие элементы византийского книжно-певческого наследия. На основании подробного параллельного изучения аналогичных образцов гимнографии греческого и древнерусского происхождения выявляется как принципиальное сходство методов распевания текста, так и характер вариантного прочтения напевов: «Сравнение греческого и древнерусского музыкально-поэтических текстов обнаруживает, наряду со сходством, самостоятельность отдельных элемен-

тов... При переводе процесс работы основывался не на механическом перенесении закономерностей одного текста на другой, но непременно с учетом особенностей древнерусского поэтического и музыкального мышления» [3, с. 146]. Исследователи отмечают прежде всего обновление интонационного контура песнопений: «переосмысление кадансовых оборотов и создание новых устойчивых музыкально-семиографических формул» [6, с. 84].

Существенным моментом в развитии древнерусского церковно-певческого искусства стало дополнение традиционного круга церковных праздников. Великокняжеский Киев начиная с XI века был инициатором канонизации первых русских святых. Здесь создавались соответствующие богослужебные последования и, следовательно, распевы новых гимнографических текстов. Традицию установления ряда местно значимых церковных праздников, ставших впоследствии общегосударственными, вслед за Киевом в XII—XIII веках подхватили крупные епархии, центры важнейших княжеств домонгольской Руси — Полоцк, Владимир, Ростов, Новгород.

Возникновение книжных центров связано преимущественно с городами, в которых концентрировалась духовная и светская власть, располагались резиденции князей и епископов. Историки указывают на тесную связь древнерусского города с окружающей его волостью. Столь же сильным было влияние города как религиозного центра епархии. Оно сказывалось в миссио-

нерском, культурно-просветительском, организационном воздействии. Управление епархией, создание приходов и снабжение их необходимыми богослужебными книгами, в том числе певческими, находилось в ведении епархиальных архиереев. Таким образом, существовала система иерархических отношений, пронизывающая общественную и духовную жизнь восточных славян.

Сохранившиеся летописи и певческие рукописи, составляя неоднородный (функционально и качественно) круг источников, свидетельствуют о многообразии условий, в которых развивалось церковное пение. Это вполне объяснимо, так как уровень постижения христианской образованности и приобщения к богослужебному искусству, в том числе, певческому, существенно отличался в центрах, связанных с Грецией (например, в крупнейших монастырях и кафедральных соборах) и во многочисленных приходских храмах на Руси — вокруг Белгорода и Переяславля на юге, Смоленска, Полоцка, Пскова и Юрьева на западе и севере, Ростова и Владимира на востоке. В приходах, разбросанных по просторам Руси, освоение богослужебного пения шло в сложных условиях. Этому способствовали и удаленность большинства из них от центров митрополии, и одновременное их появление, и малочисленность населения, сохранявшего к тому же родоплеменные различия.

Нельзя не заметить, что возникновение очагов православия (как в це-

лом — заселение территорий и рост городов) связано с развитием земель вокруг речного пути «из варяг в греки» и его ответвлений (преимущественно по речным артериям). Митрополичья кафедра находилась в Киеве приблизительно с 995—997 годов. Среди древнейших упоминаются епархии, существующие с конца X века в Новгороде, Белгороде (под Киевом), в Чернигове, Полоцке, Владимире Волынском, Ростове, Турове и др.

Именно в этих землях отмечено, по данным эпиграфики, и первоначальное развитие кириллической письменности. На этой основе иерархия духовных центров, скорее всего, интенсивно развивалась в традиционном меридиональном направлении, значительно сложнее и медленнее — при продвижении в иных направлениях, вглубь отдаленных территорий.

Это центробежное движение принимало зачастую драматические очертания. Вспомним, например, что в Ростовской земле подвизался святитель епископ Леонтий Ростовский — выходец из Киево-Печерского монастыря. Современник Антония и Феодосия Печерских, он погиб от рук язычников в 70-х годах XI века и впоследствии был канонизирован.

Итак, общая картина была неоднозначной. В состав Древнерусского государства входили постепенно все новые земли, на которых существовали разные славянские племенные союзы, угро-финское население и т. п. Известно, что земли эти не были в равной степени освоены и однородно

заселены. Миссионерскую и просветительскую роль играло в этих краях духовенство, которое занималось не только организацией приходов, но и устройством школ. Обучение церковнославянскому языку велось по богослужебным книгам (в первую очередь — по Псалтыри), так что для нужд храмов и школ требовалось все большее число богослужебных книг.

При этом необходимо учитывать порядок отношений, который формировался под влиянием православной иерархической картины мира и проявлялся в реальной системе отношений — государственных, церковных, эстетических. Церковная субординация влияла и на структуру города, посада, слободы. Наиболее явно эта иерархичность сказывалась в соотношении соборов — как в пределах всего Древнерусского государства, так и храмов внутри города. Существуют четкие соотношения субординации между соборами стольного и митрополичьего Киева, с одной стороны, соборами древнейших, самых крупных епархий (в Новгороде, Чернигове, Полоцке, Ростове, Владимире, Галиче) — с другой стороны, и соборами в удельных княжествах младших князей или княжеских наместников (в Переславле-Залесском, Юрьеве-Польском и т. д.) — с третьей. Аналогичную иерархическую систему образуют и храмы внутри города: доминирует кафедральный собор, затем следуют храмы главного монастыря или княжеский родовой храм, посадские приходские церкви, храмы пригородных монастырей и поселений.

В пропорциях храмов заложена не только идея горного и дольного, но и вполне ощутимый принцип иерархии, который отражал значимость православных центров на Руси, в удельном княжестве, в определенном городе. Понятно, что такая система формировалась постепенно. Особую роль в ее установлении играл Киево-Печерский монастырь, монахи которого неоднократно становились епископами многих русских городов. Утвердившиеся здесь черты церковного пения, в том числе устные, становились благодаря этому известны даже в отдаленных епархиях.

Из-за особого значения, которое придавалось Киеву как центру Древнерусского государства, история его книжного наследия сложилась драматически. Из богатейших книжных сокровищниц Киева до нас не дошла ни одна библиотека. Сегодня среди певческих книг практически не удастся атрибутировать рукописи киевского происхождения, поскольку историческая судьба их сложна и трагична. Единственный на сегодня достоверно аргументированный текст, связанный с реалиями великокняжеского Киева, обнаружен Е.В. Ухановой в известном памятнике второй половины XI века — так называемой Путятиной Минее. Основанием для подобной (столичной) локализации этого памятника письменности служит, наряду с чертами высокого искусства каллиграфии, наличие в нем канона на 11 мая, в котором есть ряд переводных текстов, недвусмысленно указывающих на прославление «царствующего

града» — Киева (по аналогии с имперским Константинополем). Характерное отсутствие указанных текстов в большинстве новгородских миней лишь подтверждает, хотя и косвенно, столичное происхождение рукописи [7, с. 210].

То, что утраты киевского книжно-певческого наследия огромны, вполне объяснимо. Еще до татаро-монгольского нашествия Киев был неоднократно разграблен, причем книги, наряду с другой церковной утварью, становились военной добычей, о чем свидетельствуют летописи.

Так, киевские рукописи послужили основой библиотеки Владимирского Успенского собора, построенного в 1160 году: Андрей Боголюбский вывез во Владимир книги из Вышгорода под Киевом в 1155 году, а его сын Мстислав привез книги из похода на Киев в 1168 году: его войска «штурмом овладели древней русской столицей, разграбили ее и «поимали» книги, иконы, колокола, ризы и прочую церковную святыню» Однако это собрание Успенского Владимирского собора не сохранилось: оно погибло в пожаре 1185 года. Позднее библиотека Успенского собора была воссоздана при участии епископа Симона (1214—1227), выходца из Киево-Печерского монастыря, но ее разграбили татары в 1238 году.

Парадоксальный факт разорения в междоусобных войнах храмов и монастырей, противоречащий нормам христианства, может быть понят как отражение борьбы средневековых городов:

Успенский собор во Владимире. В этом храме, построенном в 1160 году, в домонгольский период находилась крупнейшая в Северо-Восточной Руси библиотека

киевляне готовы были умереть за свою Святую Софию, новгородцы — за свою Святую Софию, владимирцы — за свою Святую Богородицу и т. п. Об этом красноречиво говорит Новгородская Первая летопись: «Не будет Новья торг Новгородом, ни Новгород Торжком, но къде С(вя)тая София, ту и Новгород» [8, с. 242]. В результате сложных исторических коллизий почти не сохранилось сведений о развитии древнерусских певческих центров и организации книжных мастерских, о мастерах, создававших книги.

Однако даже немногочисленные сохранившиеся памятники письменности многое могут открыть внимательному читателю. Таковы книги, например, Северо-Запада Руси — новгород-

ские и псковские рукописи, которые составляют костяк крупных собраний древнейших рукописей. Среди них довольно значительную часть составляют памятники певческого искусства. Именно Северо-Западная Русь, не пострадавшая от татаро-монгольского ига, смогла сберечь древнейшее певческое наследие. По этой частичке некогда обширного свода певческих памятников мы и воссоздаем особенности деятельности древнерусских певческих центров разного уровня. Что же хранят рукописные собрания?

Среди нотированных источников XI—XIV веков преобладают знаменные рукописи Стихирарей Минейных и Постных (десятки экземпляров), гораздо реже встречаются Ирмологии

(всего три книги), единичны нотированные Минеи и Триоди. На этом фоне не столь редкими кажутся Кондакари (шесть кодексов). Ненотированных певческих рукописей значительно больше — десятки в каждом веке, а за весь период — сотни. Среди них основное место занимают Минеи, Триоди и (начиная с XIII века) Октоихи. Есть и единичные книги, аналогичные по типу нотированным, — это ненотированный Ирмологий (фрагмент) и Кондакарь.

Даже если учесть, что до нас дошла малая часть певческой книжности, соотношение книг разных типов показательно. Оно говорит о количественном преобладании устной традиции над письменной в Студийскую эпоху.

Более всего соответствует выявленным градациям рукописного наследия следующая иерархия певческих центров:

- Великокняжеский (или митрополичий) певческий центр: здесь наиболее активно идет процесс адаптации византийского певческого наследия и становления собственной певческой традиции, здесь собраны знатоки всех стилей (от силлабического до мелизматического), разных видов нотации (знаменной и кондакарной) и языков (церковнославянского и греческого);
- соборные и монастырские певческие центры в крупных городах (центрах епархий): основное профессиональное звено в повсеместном распространении певческого мастерства и нотированных книг;
- приходские певческие центры: именно певчим в приходах (священнослу-

жителям, прихожанам) предназначен основной массив всей певческой книжности, в том числе ненотированной.

В результате складывается многослойная структура певческой практики Древней Руси. Наиболее сложным и развитым было богослужбное пение в крупных городах — центрах митрополии. Здесь сосуществовали греческие книжные влияния, укоренившиеся устные традиции (возможно, давние, существовавшие в отдельных церквях и до Крещения Руси), опыты распевания новых гимнографических текстов в процессе расширения круга славянских памятней. Здесь же происходило уточнение уставных норм церковного пения и выработка монастырских традиций певческой дисциплины, наконец, создание библиотек для хранения и распространения книжности (в том числе певческой).

Видимо, «молодые» певческие центры (во вновь созданных епархиях) первоначально перенимали общепринятый круг напевов и несложный (стилистически) вариант певческой практики, постепенно развивая его. Далее практически в каждом регионе важным моментом становилось введение местных праздников, канонизация и создание служб местнотимым святым, что активизировало творческое отношение к освоенному наследию. Переосмысление своей исторической роли и значимости было связано для многих княжеств именно с попыткой воссоздать присущий митрополии высокий уровень книжной культуры, в богослужении — богатство и разнообразие певческого стиля.

Наконец, малые приходы, где не было профессиональных певческих кадров, вполне могли ограничиться общедоступными устными формами пения. Ведь однозначной, жесткой регламентации певческой стороны храмового действия Устав богослужения не предписывал — уже в силу краткости своих певческих ремарок.

Развитие древнерусского богослужебно-певческого искусства предстает в результате как многовариантная эволюция явления, единого в своих основах и бесконечно разнообразного в звучании и рукописных памятниках. Степень унификации певческого дела на начальном этапе была значительно меньшей, чем в последующий период, поскольку существовали многие региональные отличия этнического, духовного и социально-политического плана, имевшие глубокие корни. В то же время в самой певческой книжности непрерывно происходил процесс освоения и приспособления заимствованного или вновь созданного, включения его в существующую традиционную систему. Именно так происходило интенсивное развитие певческой книжности. Стихийно продолжавшееся переписывание певческих книг

для приходского богослужения (в основном нотированных Минеёй и Триодей, позднее — Октоихов) сочеталось с постоянным отбором наилучших вариантов, правкой и усовершенствованием нотированных книг (преимущественно Стихирарей). Это обеспечивало одновременно гибкость и устойчивость древнерусской певческой традиции, постоянное взаимодействие устных и письменных элементов богослужебного певческого искусства. Благодаря подвижническому труду мастеров церковного пения и книжного дела, рукописи домонгольской эпохи стали не только памятником своего времени, но и основой для расцвета певческой книжности позднейшего времени. Мастера многих поколений оставили разнообразные вставки и уточнения как пометы на полях древних певческих книг, которые не выходили из употребления в течение последующих веков — если не в певческом употреблении, то в книжном деле, как авторитетные источники для сверки и сравнения и творчества распевщиков, редактировавших или заново распевавших гимнографические тексты. Так наглядно проявляется преемственность традиций богослужебного пения Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лозовая И.Е. Древнерусский нотированный Параклит XII века. Византийские источники и типология древнерусских списков. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2009. 156 с.
2. Назаренко А.В. Владимир (Василий) Святославич // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004.
3. Наумова Е.Б. Поэтика песнопений Рождеству Христову в византийской и древнерусской традициях // Греко-русские певческие параллели. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 133—147.

4. Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
5. *Творогов О.В.* Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 280 с.
6. *Тутолмина С.Н.* Греко-русские певческие параллели в певческих Триодях // Греко-русские певческие параллели. М.; СПб: Альянс-Архео, 2008. С. 77—86.
7. *Уханова Е.В.* О становлении новгородского книгописания в XI — начале XII в. // Хризограф. Вып. 3. М.: Сканрус, 2009. С. 204—237.
8. *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 256 с.
9. *Швец Т.В.* Азматики Благовещенского Кондакаря // Греко-русские певческие параллели. М.; СПб: Альянс-Архео, 2008. С. 100—132.

МУЗЫКАЛЬНАЯ НАУКА В ЕДИНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С 15 мая по 31 декабря 2014 года Российская академия музыки имени Гнесиных проводит III Международную интернет-конференцию «Музыкальная наука в едином культурном пространстве». В этом году конференция приурочена к двум знаменательным юбилейным датам — 70-летию со дня основания академии и 140-летию со дня рождения Елены Фабиановны Гнесиной.

Цель конференции — обмен информацией и идеями, укрепление контактов между учеными.

Тематика конференции охватывает разнообразные области современной музыкальной науки:

- проблемы истории и теории музыки, а также истории и теории исполнительского искусства;
- музыкальное источниковедение и текстология;
- традиции церковной музыки;
- история и теория музыкальных жанров (в том числе массовых);
- теория и история музыкального языка;
- этномузыкология;
- музыкальная социология;
- психология музыкального творчества и музыкального восприятия.

К участию в конференции и обсуждению докладов приглашаются ученые, аспиранты и студенты, ведущие научную работу. Написанные на основе докладов статьи могут быть впоследствии опубликованы в журнале «Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных».

Требования к присылаемым материалам доступны для ознакомления на официальном сайте Российской академии музыки имени Гнесиных: <http://gnesin-academy.ru>.